

не понимают и не могут понять ни целостности плана, ни величественной красоты того здания, к воздвижению которого так сильно способствуют, и были бы достойны всякого сожаления, если б судьба, обрекая их на черную работу, не наделила их вместе какою-то странною любовью, привязанностью к мертвой букве, привязанностью, которая заставляет их рыться в пыли и в поте лица своего искать внешних выражений духа, не заботясь о их внутреннем значении.

*«Wie anders tragen uns die Geistesfreuden,
Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt!
Da werden Winternächte hold und schon,
Ein selig Leben warmet alle Glieder,
Und ach! entroll, st du gar ein würdig Pergament,
So steigt der ganze Himmel zu dir nieder.»¹*

Сухие собиратели фактов, в свою очередь, совершенно справедливо укоряют теоретиков в неосновательности, в неудовлетворительности их теорий; но они позабывают или, лучше сказать, не понимают, что в этом стремлении проникнуть равнодушное многообразие всеобщего, единого, животворящего мыслью высказывается все достоинство, вся разумность человеческого духа; они не понимают, что знание фактов без мысли и без всякого единства не есть истинное знание, но мертвая груда мертвых материалов, ожидающих животворного прикосновения мысли для того, чтоб стать живою, прозрачною и разумною действительностью, не понимают, что сущность духа состоит именно в проникновении и нахождении самого себя в предстоящем ему действительном мире и что, пока не найдена мысль, пребывающая в действительности, до тех пор осуществление этого высшего назначения человеческого духа невозможно. Кроме этого, господа собиратели фактов, восстаивая так жестоко на теоретиков, доказывают тем свою неблагодарность: они позабывают, что ничто так много не способствовало открытию новых фактов, ничто так не оживляло опытного знания, как теории. Наконец, хотя теоретик и не в состоянии доказать необходимость предположенного им начала, хотя он и не в состоянии развить из своей главной мысли все многообразие фактов и частных законов действительного мира, но в его догадках, предположениях может быть много верного и глубокого, много такого, что впоследствии оправдывается и фактами, и перед высшим судом спекулятивного мышления – перед судом философии; это зависит от личности теоретика и от степени развития того народа и того времени, к которым он принадлежит. Гете, Кювье, Гердер и многие другие, руководимые своею гениальностью, разрушили внешнюю кору, покрывавшую разбираемые ими предметы, и не остановились на их поверхности, но проникли в самую глубь их. «Идеи о философии истории» Гердера принадлежат к области теории, но, несмотря на это, они заключают в себе много глубокого, истинного². Большая часть из них принадлежит к замечательнейшим явлениям прошедшего и настоящего века: они проникнуты современными интересами, современною жизнью; в них можно найти много глубоких и верных мыслей, переплетенных с громкими и звучными фразами, – необходимая дань французскому характеру; но они – не более как теории и совершенно несправедливо называются философскими. Ни в одном из них нет наукообразной формы, нет следов истинного – философского образования: мысли перемешаны в них с не проникнутым ими эмпирическим содержанием. Кроме того, в них часто властвует совершенный произвол, и это – необходимый результат настоящего положения Франции, чувствующей сильную потребность религии, но вместе с тем лишенной почти всякого религиозного верования. После Декарта и Мальбранша у французов не было философии в собственном значении этого

¹ Из «Фауста» Гете:

*«Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!
И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьется!
А если редкий мне пергамент попадется,
Я просто в небесах и бесконечно рад».*

(Пер. Н.А.Холодковского)

Гёте. Фауст (Собр. соч. Т. V. С. 87).

² К области теории принадлежит большая часть сочинений, вышедших и до сих пор выходящих во Франции под названием философских, например, «Esprit des lois» Монтескье, «Палингенезия» Балланша (Речь идет о книгах Ш.Монтескье «О духе законов» и П.С. Балланша «Essai de palingenesis sociale» («Очерк социального палингенеза»)) (Ballanche P.S. O Euvres. Paris, 1830. Т. 3–4.) и многих других